

УДК 271.2:262.14(571.5)(091)

<https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.36.62>

Сибирские съезды православного духовенства о путях насаждения «русскости» среди коренного населения

Л. М. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Рассматривается деятельность православной церкви в Сибири по насаждению «русскости» среди коренного населения региона. Анализируется работа съездов миссионеров конца XIX в., подчеркивается единство действий духовных и светских властей в проведении обрусительной политики по отношению к коренному населению Сибири.

Ключевые слова: империя, Сибирь, инородцы, православная церковь, миссионерские съезды, насаждение «русскости».

Для цитирования: Дамешек Л. М. Сибирские съезды православного духовенства о путях насаждения «русскости» среди коренного населения // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2021. Т. 36. С. 62–70. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.36.62>

Одной из величайших территорий, которую когда-либо осваивал человек за всю свою историю, была Сибирь. Для народов Сибири процесс вхождения в состав России означал начало новой исторической цивилизации, каждый из этапов которой имел свои отличительные черты. Данное замечание непосредственно связано с такой важной исторической особенностью России, как фактор ее многонациональности.

Территориальная экспансия России на протяжении XVI–XIX вв., включение в ее состав народов Поволжья, Сибири, Дальнего Востока, Польши, Финляндии, Кавказа, Средней Азии превратили ее в многонациональную империю.

В начале XX в. на территории России проживало около 200 больших и малых народов, отличных по языку, культуре, религии, менталитету и т. д. Данное обстоятельство накладывало существенный отпечаток на этническую структуру государства. Если в середине XVII в. на долю русских приходилось 95 % населения России, то в начале XX в. только 44,6 %. Развитие отношений центра с национальными окраинами неотделимо от процесса формирования политико-административной системы империи. Именно в рамках этой системы определялись конкретные модели взаимоотношения с этносами. Тем не менее все они предусматривали поглощение азиатских окраин империи русским национальным ядром, что вполне вписывалось в планы правительства по политическому и территориальному конструированию империи. Рубеж столетий занимает особое место в истории России.

Этот временной отрезок исследователи справедливо характеризуют как период кризиса самодержавия [6, с. 3].

Кризисные периоды в истории России бывали и раньше, однако российская историческая действительность прежде всего при помощи государственной власти всегда преодолевала их. Однако на этот раз к традиционным проявлениям кризиса добавились национальный и неразрывно связанный с ним конфессиональный факторы, которые всегда играли немаловажную роль во внутренней политике империи. Сама мысль о всеобщем и беспрекословном повиновении самодержавию была подвергнута мощнейшей идеологической атаке. В этих новых исторических реалиях на помощь самодержавию поспешили идеологи русского национализма с теоретическими конструкциями «единой и неделимой России», «мирного завоевания», «оживления» окраин, водворения русской государственности на окраинах империи, в том числе и в Азиатской России [1, с. 83–105].

Предлагаемые теоретические концепты не ограничивались тишиной кабинетов, а широко тиражировались в различных газетах и журналах, становясь тем самым важным фактором формирования общественного мнения. Вполне закономерно поэтому, что обострение национального вопроса на имперских окраинах породило и встречное движение в лице национальной интеллигенции, руководителей органов национального самоуправления, которые к тому времени зачастую выступали в качестве авторитетных научных экспертов. Этому течению противостояла наступательная позиция Русской православной церкви.

В абсолютистском государстве, каким была Российская империя в начале XX в., традиционно составной частью окраинной политики была политика конфессиональная. К моменту описываемых событий в России тесная связь государства с православным духовенством насчитывала не одно столетие. Конечно, на протяжении всей истории отношения православной церкви и государства приобретали различный характер, но в конечном итоге эти споры закончились полным доминированием Российского государства над церковью и сращиванием последней со структурами бюрократического аппарата. Созданный в 1721 г. Священный синод заменил патриархат, а обязанности главы главной конфессии империи стал исполнять назначаемый монархом чиновник. К середине XIX в. православная церковь добилась, по сути дела, эксклюзивного положения в государстве, а само белое, приходское духовенство приобрело сословный статус.

Однако правильность политики насильственного насаждения православия на окраинах империи, практиковавшейся в XVIII в., подавления иных религий оказалась под сомнением, прежде всего с точки зрения лояльности окраинных инородцев империи, а также с точки зрения выстраивания отношений с сопредельными странами.

Полиэтничность государства, как и религиозное многообразие подданных, по мнению московских, а впоследствии петербургских властей, не рассматривалось как нечто ненормальное. Политическая, военная, культурная, научная элита империи была многонациональна. Подданные Российской

империи исповедовали все основные религии мира, а принадлежность к иной, отличной от православия, конфессии рассматривалась правительством не как отступление от государственных законов, а как важное условие социального порядка.

В конечном итоге, по убеждению сановного Петербурга, любая религия при соответствующей имперской надстройке была способна служить государственным интересам России. Однако нельзя не признать, что все империи стремятся к единообразию, в том числе и религиозному, источником которого должен быть сюзерен – монарх. Именно поэтому конфессиональная политика Российского государства в отношении сибирских инородцев была неразрывной составной частью имперской политики в Сибири в целом. В основе всех мероприятий самодержавия в церковной сфере в Азиатской России лежит признание большой политической и социокультурной значимости распространения православия среди инородцев.

Принятие православия аборигенами представлялось как составной элемент политики инкорпорации. В то же время это был и важный социокультурный процесс. Таким образом, в российской колонизационной модели восточных окраин империи политические и социокультурные цели взаимно дополняли друг друга. Окраинная политика империи отличалась прагматизмом и известной гибкостью [2, с. 87–110], однако это не означает, что имперские цели по насаждению «русского духа» на окраинах государства отходили на второй план. Конфессиональное разнообразие народов России рассматривалось правительством как вынужденное, временное явление.

Принципиальные взгляды сибирской администрации на тему насаждения «русскости» в инородческой среде были изложены иркутским генерал-губернатором А. П. Игнатьевым в специальной Программе деятельности генерал-губернатора Восточной Сибири и правительственных мероприятий в отношении этого края с 1887 г. и приблизительно на 10 лет¹.

Применительно к народам Сибири конечной целью проекта А. П. Игнатьева становилось обрусение инородцев, полное подчинение их русскому законодательству². Это предложение высокопоставленного чиновника, прозвучавшее при слушании его отчета в Комитете министров, настолько понравилось Александру III, что на полях документа он с восторгом написал: «Да! Весьма пора»³.

В достижении этой цели сторонники обрусительного направления в политике по отношению к народам Сибири немаловажную роль отводили православию. Даже в конце XIX в. в Восточной Сибири нередки были случаи массового крещения бурят по различным «поводам», «случаям» и т. д.

Князь В. П. Мещерский, издатель небезызвестного «Гражданина», по этому поводу замечал, что слухи эти «весьма неутешительны», а религиозные преследования в Прибайкалье напоминают «самые лютые времена» [5, с. 130].

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Печатные записки. № 131.

² Там же. Ф. 391. Оп. 1. Д. 73. Л. 9.

³ Там же. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 200. Л. 12. 12 об.

Однако в соседней, Забайкальской области религиозная политика государства по отношению к бурятам была иной. Отсутствие четко обозначенной цинской границы, пограничной стражи, традиционное кочевое скотоводство бурятских племен, требовавшее постоянного перемещения на больших земельных пространствах, наконец, мощные сложившиеся на протяжении веков буддистские традиции понуждали правительство при выработке конфессиональной политики в этом специфическом регионе империи мыслить не только категориями религиозного, но внешнеполитического порядка.

Последний фактор напрямую соприкасался с экономическими интересами России в этой части Азии, связанными с сохранением статус-кво в области выгодной для России торговли с Китаем. В условиях нарастающей активности Великобритании в регионе, зачастую недружественной политики последней на Дальнем Востоке «лаамский вопрос» становился еще одной опорной базой для продвижения интересов России в Приамурье.

В Восточной Сибири буддизм стал распространяться с середины XVII в. Однако только после формального определения границы России и Китая в 1727 г. царское правительство приступило к регламентации положения буддистов в России. В 1741 г. указом императрицы Елизаветы Петровны буддизм был официально признан одним из вероисповеданий России, утверждены штаты буддийского духовенства. В 1822 г. Устав об управлении инородцев М. М. Сперанского подтвердил право сибирских инородцев на свободу вероисповедания⁴. Однако наступательное движение Русской православной церкви на народы Сибири с одной стороны и сокращение доходности края с другой породили в определенных кругах российской администрации сомнения в правильности такой политики. Растущие недоимки в Забайкалье, неприятие бурятами православия стали напрямую связывать с принятием в 1853 г. Положения о ламайском духовенстве, быстрым ростом числа лам (в середине XIX в. общее число жителей-буддистов достигло 125 тыс. человек, а число священнослужителей 4556. – *Л. Д.*) и освобождением последних от уплаты налогов. Именно поэтому в 30-х гг. XIX в. появился ряд проектов по ужесточению политики в отношении буддийской церкви в Забайкалье.

Совместное наступательное движение православной церкви и государства в отношении коренных народов Сибири проявлялось в миссионерских съездах, которые были призваны разработать единые политико-идеологические и организационные мероприятия, направленные на упрочение положения «первенствующей и главенствующей» церкви в Сибири и России в целом. Эти съезды сами священнослужители называют соборами епископов, инициатором проведения их был обер-прокурор Священного синода К. П. Победоносцев [4, с. 269].

Всего в 1884–1885 гг. было проведено три собора – в Киеве (сентябрь – октябрь 1884 г.), Казани (июль 1884 г.) и Иркутске (летом 1885 г.). Основными вопросами соборов были борьба с расколом и распространение право-

⁴ ПСЗ–I. Т. 38. № 29126. Ст. 288.

славия среди нехристианских народов. В Иркутске такой съезд состоялся в июле – августе 1885 г. Письма архиепископа Иркутского Вениамина епископу Томскому Владимиру свидетельствуют, что этот собор был созван по инициативе обер-прокурора [7].

Подчеркивая единство политических целей церкви и государства, указ Синода от 8 апреля 1885 г. гласил, что съезд духовных и светских властей Сибири проводится «для совместного обсуждения вопросов, касающихся настоящего состояния православия в пределах Сибирского края с целью выработать общие для всех сибирских епархий меры к развитию проповеди Слова Божия среди язычников». Присутствие на соборе представителей гражданских властей с правом подписи принимаемых решений стало существенным отличием Иркутского съезда миссионеров от Киевского и Казанского. В то же время, в отличие от Киевского и Казанского, на Иркутском съезде отсутствовали представители Священного синода. Следует согласиться с мнением историков церкви о том, что анализ работы Киевского и Казанского соборов сильно разочаровал К. П. Победоносцева в способности иерархов решать стоящие перед ними вопросы без помощи гражданских властей [4, с. 291]. Все три собора свидетельствуют о поиске православной церковью новых методов в работе по распространению православия среди инородцев.

Власти тщательно готовились к первому съезду сибирских «святителей». В миссионерские станы было разослано специальное послание, в котором предписывалось провести съезды местных миссионеров, где обсудить «все вопросы... состояния миссии в каждом стане» и меры «к предупреждению препятствий к принятию инородцами святого крещения».

В работе Иркутского съезда приняли участие высшие сибирские иерархи: архиепископ Иркутский Вениамин, епископы Томский Владимир, Енисейский Исаакий, Селенгинский Мелетий, Киренский Макарий. Кроме того, на заседаниях съезда присутствовали генерал-губернатор Восточной Сибири А. П. Игнатъев, приамурский генерал-губернатор А. Н. Корф, военный губернатор Забайкальской области Я. Ф. Барабаш, исполняющий должность иркутского гражданского губернатора Петров. Заседания съезда были открытыми лишь частично. А. Н. Корф вообще настаивал на проведении закрытых собраний, «чтобы не возбуждать неблагонамеренных толков» среди бурят. Архиепископ Вениамин, наоборот, выступал за проведение открытых заседаний, дабы буряты поняли, «чего должно ждать от них христианское правительство», и не надеялись на продолжение покровительственной политики по отношению к ламаизму. Съезд проходил в обстановке наступившей политической реакции в стране, т. е. в очень благоприятное для воинствующей православной миссии время. Заседания съезда, а их было пять, проводились открыто, однако обсуждение на нем так называемого бурятского вопроса не афишировалось. Ничего не говорилось об этом и в отчетах о работе съезда, опубликованных в печати.

Одной из центральных тем съезда стал вопрос «по обращению инородцев Сибири, особенно забайкальских бурят к христианству». Подлинные причины пристального внимания участников съезда к этому вопросу были без обиняков сформулированы на первом же заседании. «Этого требует, – констатировал съезд, – великая и высокая важность обращения инородцев к христианству во всех отношениях – и в религиозно-нравственном, и в гражданском, как верный шаг к объединению их с русским народом и обрусению». На последующих трех заседаниях вопрос этот был «подвергнут всестороннему рассмотрению». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что участники съезда требовали не только усиления пропагандистско-идеологической работы священнослужителей, но и настаивали на проведении таких мер, которые нуждались «в утверждении в законодательном порядке». Важно подчеркнуть и другое. В журнале заседания съезда от 24–26 июня отмечается, что такие меры были предложены вниманию членов съезда представителями гражданской власти. Таким образом, в вопросах насаждения «русскости» церковь и государство выступали с единых позиций.

В итоге работы съезда были приняты решения, реализация которых могла бы, по мысли светских и духовных властей, способствовать усилению процесса русификации и христианизации аборигенов. Сам характер этих рекомендаций был таков, что осуществление их было возможно с помощью не церковных, а именно государственных органов. Решения съезда прежде всего рекомендовали провести размежевание земель аборигенов и посадить кочевника на душевой надел оседлого земледельца. Это должно было, констатировал съезд, «заставить инородцев-сибиряков перейти от кочевого быта к оседлому, что даст возможность удобнее и успешнее распространять между ними христианство». Освободившиеся земельные участки предлагалось передать в пользование русским крестьянам – православным. «Живя в соседстве с последними», инородцы, по мысли участников съезда, «будут не только заимствовать русские православные нравы, но и христианские понятия». Все это, вместе взятое, должно было служить одной цели – «способствовать обращению их (аборигенов. – Л. Д.) в христианство». Рассуждения эти в определенной степени не были лишены здравого смысла. В конечном итоге развитие земледелия и усиление оседлости народов Сибири было делом объективно прогрессивным, как и сам процесс сближения и взаимовлияния русского и коренного населения Сибири. Однако в данном случае эта идея в руках православных церковников и сибирской администрации превращалась в орудие насильственного обезземеливания и разорения скотоводов.

Аналогичные противоречия наблюдаются и при анализе предложений съезда, относящихся к вопросу административного устройства народов Сибири. Органы управления народами края, введенные «Уставом» 1822 г., предполагались к упразднению. Вместо них рекомендовалось ввести волостные управления, подчинив их «полицейским управлениям на общих основаниях». Во вновь создаваемые административные органы планировалось ввести в качестве должностных лиц «инородцев-христиан».

Особое внимание участники съезда уделяли вопросу привлечения сибирских аборигенов к воинской повинности. По их мнению, реализация этого предложения должна была привести к тому, что «ежегодно известный контингент людей, отбыв срок службы в войсках, будет возвращаться по домам в значительной степени обруселый». Иркутский архиепископ Вениамин предлагал даже пойти дальше этого. По его словам, следовало «вообще сравнять их (аборигенов. – *Л. Д.*) в правах и обязанностях с русскими крестьянами». Вениамину вторил томский преосвященный Владимир. Он заявлял, что мера эта вполне применима и к инородцам Западной Сибири. Ее «желательность» епископ Томский видел еще и потому, что льгота язычникам в отношении воинской повинности служила благовидным предлогом к отклонению языческими властями своих подданных от перехода в христианство как первой степени привлечения инородцев к воинской повинности. Поистине, сибирские иерархи были персонами воинствующими.

Участники съезда рассмотрели и такой, казалось бы, далекий от нужд православия вопрос, как уплата аборигенами ясака. Внимательное изучение материалов съезда показывает, что святые отцы были плохо знакомы с ясачным законодательством империи и практикой уплаты ясака. По мнению томского епископа Владимира, взнос ясака натурой существовал лишь по той простой причине, что «языческие власти из своекорыстных целей застрашивают их» (аборигенов. – *Л. Д.*) тем, что «за уплатою ясака деньгами последует обращение инородцев в крестьяне со всеми прочими тяготами».

Нельзя не признать, что перевод ясачной подати в денежную форму отвечал объективным потребностям развития хозяйства народов Сибири, в котором все большее значение приобретали товарно-денежные отношения. Однако отнюдь не «языческие власти», а прежде всего коронное ведомство настаивало на сохранении натуральной формы уплаты ясачной подати [3]. В данном конкретном вопросе интересы церкви и коронного ведомства не совпадали. Следует также подчеркнуть, что ратование православных пастырей за перевод ясака в денежную форму объяснялось отнюдь не заботой об аборигенах, а стремлением поскорее обрусить последних, полностью приравнять их к русскому населению. Участники съезда понимали, что большинство их предложений противоречит существующим законоположениям, поэтому они ходатайствовали перед обер-прокурором Синода об утверждении рекомендаций съезда в законодательном порядке.

В итоге отметим, что в решениях Иркутского съезда духовных и светских властей содержались подчас идеи, отвечающие объективным потребностям экономического и общественного развития народов Сибири. Однако на практике они, порожденные попытками насильственного насаждения «русскости» на окраинах империи, приобретали уродливую форму. Христианизация коренных народов Сибири вызывала два последствия. Она укрепляла позиции самодержавия и церкви на окраинах империи, усиливала идеологическое воздействие царизма на народные массы. Преследуя ясно выраженные ассимиляторские цели, христианство выхолащивало самобытность коренных народов Сибири. На методы и формы распространения пра-

вославия определенное влияние оказывали экономические процессы, развитие капиталистических отношений, протекавшее очень быстро во второй половине XIX в. Не случайно исследователи истории церкви отмечают, что переход от феодально-крепостнических методов христианизации к буржуазным составляет следующую стадию рассматриваемого процесса. Хронологически она охватывает период второй половины XIX – начала XX в.

Список литературы

1. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Российские окраины в системе внутренней политики империи XVIII – начала XX в.: концепты, закон и практика. Иркутск : Оттиск, 2020. С. 83–104.
2. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Избранное. В 3 т. Т. 2. Сибирь в системе имперского регионализма (1822–1917 г.) // Terra Eurasia : к 60-летию академика Б. В. Базарова. Иркутск : Оттиск, 2018. 415 с.
3. Дамешек Л. М., Дамешек И. Л. Ясак в Сибири в XVIII – начале XX века. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 303 с.
4. Диакон Дмитрий Пашков. Соборы епископов при К. П. Победоносцеве // Богословский сборник. 1990. № 4. С. 269.
5. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М. : Мысль, 1970. 452 с.
6. Кризис самодержавия в России 1895–1917 / Б. В. Ананьич [и др.]. Л. : Наука, 1984. 664 с.
7. Письма Вениамина, архиепископа Иркутского, к Казанскому Архиепископу Владимиру. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/pisma-veniamina-arhiepiskopa-irkutskogo-k-kazanskomu-arhiepiskopu-vladimiru/ (дата обращения: 12.02.2021).

Siberian Congresses of the Orthodox Clergy on the Ways of Imposing “Russianness” Among the Indigenous Population

L. M. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The article examines the activities of the Orthodox Church in Siberia to inculcate (impose) “Russianness” among the indigenous population of the region. The work of the late 19 century missionaries congresses is analyzed, and the unity of actions of the spiritual and secular authorities in conducting the Russification policy towards the indigenous population of Siberia is emphasized.

Keywords: Empire, Siberia, foreigners, Orthodox Church, missionary congresses, imposition (planting) of “Russianness”.

For citation: Dameshek L.M. Siberian Congresses of the Orthodox Clergy on the Ways of Imposing “Russianness” Among the Indigenous Population. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2021, vol. 36, pp. 62-70. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2021.36.62> (in Russian)

References

1. Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Rossijskie okrajny v sisteme vnutrennej politike imperii XVIII–nachala XX vv.: koncepty, zakon i praktika* [Russian Suburbs in the System of Inter-

nal Policy of the Empire of the 18th – early 20th Centuries: Concepts, Law and Practice]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2020, pp. 83-105. (in Russian)

2. Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Izbrannoe. V 3 t. T. 2. Sibir v sisteme imperskogo regionalizma (1822-1917 g.)* [Selected. In 3 vol. Vol. 2. Siberia in the System of Imperial Regionalism (1822-1917)]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2018, 450 p. (in Russian)

3. Dameshek L.M., Dameshek I.L. *Jasak v Sibiri v XYIII – nachale XX veka* [Yasak in Siberia in the 18th – early 20th Century]. Irkutsk, IGU Publ., 2014, 303 p. (in Russian)

4. *Diakon Dmitrij Pashkov. Sobory episkopov pri K.P. Pobedorosceve. Bogoslovskij sbornik.* [Deacon Dmitry Pashkov. Cathedrals of Bishops under K.P. Pobedorostsev. Theological collection]. 1990, no. 4, 269 p. (in Russian)

5. Zayonchkovsky P. A. *Rossijskoe samoderzhavie v konce XIX stoletija* [Russian Autocracy at the End of the 19th Century]. Moscow, Mysl Publ., 1970, 452 p. (in Russian)

6. Ananyich B.V., Ganelin R.S., Dubentsov B.B. et al. *Krizis samoderzhavija v Rossii 1895-1917* [The Crisis of Autocracy in Russia 1895-1917]. Leningrad, Nauka Publ., 1984, 664 p. (in Russian)

7. *Pisma Veniamina, arhiepiskopa Irkutskogo, k Kazanskomu Arhiepiskopu Vladimiru* [Letters of Veniamin, Archbishop of Irkutsk, to the Kazan Archbishop Vladimir]. Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/pisma-veniamina-arhiepiskopa-irkutskogo-k-kazanskomu-arhiepiskopu-vladimiru/ (date of access: 12.02.2021).

Дамешек Лев Михайлович

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий*

кафедры истории России

*Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1,*

e-mail: levdameshek@gmail.com

Dameshek Lev Mikhailovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Head, Department of History of Russia*

Irkutsk State University

*1, K. Marx st., Irkutsk, 664003,
Russian Federation*

e-mail: levdameshek@gmail.com